

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 5, pp. 1359–1370, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 390 (571-52)+392.1(571.52)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект

Елена Валерьевна Айыжы¹, Артыш Маадыр-оолович Монгуш²

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Айыжы Е. В., Монгуш А. М., 2020

Аннотация. *Введение.* В современном мире немало глобальных проблем. Среди них одной из важных становится проблема уничтожения природы и диких зверей. В настоящее время многие молодые охотники-тувинцы не знают традиционного охотничьего этикета предков, не соблюдают древние природоохранные традиции и обычаи. Браконьерство становится одним из негативных факторов нарушения экологического баланса. *Цель исследования* — изучить охотничьи традиции тувинцев, которые являлись и являются основой сохранения экологического баланса и биологического разнообразия в Туве. Авторы попытались систематизировать некоторые охотничьи обряды, обобщить материалы, относящиеся к данной теме. *Материалы и методы.* Основными источниками являются дореволюционные историко-этнографические сведения, а также полевые материалы авторов. В исследовании использован метод историзма, позволяющий рассматривать элементы культуры в развитии. Также применяются традиционные методы этнографии: сравнительный и методы полевых исследований. *Результаты.* В работе авторы проанализировали исторические, этнографические, фольклорные материалы. Попытались систематизировать и рассмотреть более подробно некоторые охотничьи обряды тувинцев. *Выводы.* Исследовав тему, авторы пришли к выводу о том, что охотничьи традиции тувинцев, как и у других народов Саяно-Алтая, являются наиболее древними в культуре и традиционной обрядовой практике. Тесная и долгая связь охотников с природой привела к тому, что они должны были соблюдать многочисленные неписанные правила и запреты. Местность, в которой промыслили охотники, обязательно имела своих «хозяев», и необходимо было уважать их подношениями. Духи-хозяева местности, по мнению охотников, могли превращаться в людей или диких зверей.

Ключевые слова: тувинцы, охотники, охотничьи традиции, обряды, духи-хозяева, природа, Тува, Саяно-Алтай, кочевники

Благодарность. Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)» (№ 19-012-00073).

Для цитирования: Айыжы Е. В., Монгуш А. М. Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // Oriental Studies. Т. 13. № 5. С. 1359–1370. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

UDC 390 (571-52)+392.1(571.52)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective

Elena V. Aiyzhy¹, Artysh M. Mongush²

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research, Government of the Tyva Republic (4, Kochetov St., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Aiyzhy E. V., Mongush A. M., 2020

Abstract. Introduction. The world witnesses a dramatic abundance of problems. Still, those are the destruction of nature and extinction of animal species that tend to become the most pressing ones. Currently, many young Tuvan hunters have no knowledge of the traditional hunting etiquette of their ancestors, do not observe the ancient nature conservation traditions and customs. Poaching proves a definitely negative factor in the violation of the ecological balance. *Goals.* The article aims to study the hunting traditions of the Tuvans which used to be and still are the basis for maintaining the ecological balance and biological diversity in Tuva. It also attempts to systemize some hunting rites and summarize related materials available. *Materials and Methods.* The work analyzes pre-revolutionary historical and ethnographic sources, as well as field materials of the authors. The employed method of historicism makes it possible to consider the elements of culture in a developmental perspective. Traditional methods of ethnography — comparative and field research ones — are also used. *Results.* The comprehensive analysis of historical, ethnographic, and folklore materials — along with the mentioned systemization — concludes that the hunting traditions of the Tuvans, like those of other Sayan-Alтай peoples, are the most ancient elements of ethnic culture and traditional ritual practices. The close and long association of hunters with nature led to that they had to follow numerous unwritten rules and prohibitions. Any hunting area was necessarily supposed to be owned by its ‘master’ that was to be honored through offerings. Hunters believed such master spirits could turn into people or wild animals.

Keywords: Tuvans, hunters, hunting traditions, rituals, host spirits, nature, Tuva, Sayan-Alтай, nomads

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, research grant no. 19-012-00073 ‘Transformation Processes in Onomastics of Central Asian Peoples: Past and Present (Case Studies of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia’.

For citation: Aiyzhy E. V., Mongush A. M. Tuvan Hunting Traditions: An Ethnographic Perspective. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(5): 1359–1370. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370

Введение

В XXI в. перед человечеством стоит множество глобальных проблем, в частности экологического характера. Одной из главных проблем, требующих первостепенного решения как на глобальном, так и на локальном уровнях, является уничтожение природы и ее ресурсов, истребление животных. Браконьерство представляет серьезную угрозу для природы — нарушение экологического баланса.

Данная проблема стала актуальной для Тувы с конца прошлого столетия. В результате коренной ломки и трансформации тувинского общества в XX в., которые сопровождали вхождение Тувинской Народной Республики в состав СССР, правила взаимоотношений с природой, «неписанные» законы тувинских охотников, что издревле соблюдались предками, частично были утеряны. В наше время деградация традиционных экологических знаний продолжается, вследствие чего нарушается природный баланс, подрывается основа естественной связи человека и природы, а местами уже подорвана безвозвратно. Сохранение и бережное отношение к природе, уважительное отношение к ней и её обитателям являлось и является критически важной жизненной задачей тувинцев, как и любого народа на Земле. Необходимо возродить в современном тувинском обществе, особенно среди охотников, глубокие знания, связанные с бережным отношением к окружающему миру.

Присваивающие формы хозяйства, к которым в первую очередь относится охота, были присущи всем без исключения народам на ранних стадиях их существования. Постепенно роль добывающих промыслов у большинства народов уменьшалась, и они уступали главенствующее положение производящим формам: скотоводству и земледелию. Племена, жившие на территории Тувы, издревле занимались охотой, что подтверждают археологические материалы. По наскальным рисункам в Туве можно судить, что объектами для охотников являлись такие животные, как лось, марал, медведь, горный козел, кабан, волк и т. д. По

замечанию С. И. Вайнштейна, изображения диких животных, в особенности копытных, довольно часто встречаются на культовых памятниках («оленные камни») и украшениях, находимых в Туве и на сопредельных территориях. О развитости охоты в то время свидетельствует и специализация охотничьих стрел как у племен, населявших территорию Тувы, так и у населения сопредельных регионов [Вайнштейн 1972: 181].

У тувинцев охотничий промысел играл важную роль в комплексном хозяйстве, для многих семей, у которых было мало скота, охота практически являлась основным источником существования [Вайнштейн 1972: 42].

Историография

Охота как отдельный объект этнографического исследования почти не привлекала внимание исследователей дореволюционного периода. Краткие сведения о промыслах тувинских мужчин встречаются в работах таких авторов, как П. А. Чихачев, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, Е. К. Яковлев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ф. Я. Кон и др. [Чихачев 1974; Радлов 2007; Катанов 2011; Яковлев 1900; Грумм-Гржимайло 1926; Кон 1936].

Одним из первых ученых, вкратце затронувших тувинскую охоту, стал геолог П. А. Чихачев, посетивший в 1842 г. тувинцев, живущих по р. Алаш (Западная Тува). Ему удалось узнать, что некоторые местные охотники во время охоты добывались до русских поселений и продавали там свою добычу. Ученым описана также и случайная встреча с тувинскими охотниками, некоторые из них сидели верхом на быках, другие расположились вокруг пылающего костра и свеживали только что убитого оленя [Чихачев 1974: 194].

Также благодаря охотнику-проводнику он зафиксировал названия местностей, связанные с охотой. Например, «Кочкарлу-Таскиль» (*Кошкарлыг-Таскыл*, гора, где водились горные бараны), «Андюшер-Кол» (*Аң-Дүжөр-Хөл*, озеро, где собираются звери) [Чихачев 1974: 170–174]. Название озера достаточно точно объяснил алтаец,

сопровождаящий П. А. Чихачева: на данной территории в большом количестве водятся много горных баранов, оленей и других животных, которые в определенные часы дня собираются на водопой вокруг озера. Охотники, скрываясь за скалами, выжидали подходящую минуту, чтобы напасть на добычу [Чихачев 1974: 191].

Известный востоковед-тюрколог В. В. Радлов во время экспедиции по Алтаю и Южной Сибири в 1861 г. посетил северо-западную Туву в районе оз. Кара-Холь и р. Алаш. Он отмечал, что тувинцы известны как отличные охотники и охота является их любимым занятием. Шли на промысел целыми группами, могли неделями искать зверя в горах, летом на лошадях, а зимой на лыжах, строили во многих местах хижины из ветвей, и зимой использовали их для ночлега. По его мнению, ружья охотники получали от монголов, а порох изготавливали сами [Радлов 2007: 266].

В 1888–1889 гг. в Туве проводил исследование хакасский ученый Н. Ф. Катанов. Помимо изучения тувинского языка, он также занимался сбором полевых материалов от местных жителей Урянхайского края, изучая предметы быта, типы головных уборов, музыкальных инструментов, тамги, узоры и орнаменты. Ученый обратил внимание на то, что тувинские мужчины пасут скот, сеют хлеб, ходят на охоту, владеют ремесленным искусством в совершенстве. В собранных материалах есть интересные сведения о способах рыбной ловли и охоты, о формах традиционной клятвы мужчин, о тувинских мужских играх. Относительно охоты было замечено, что чаще всего охотятся на диких коз, зайцев, оленей и лосей. Шкуры звериные идут на шубы, шапки и на уплату податей [Катанов 2011: 92].

Е. К. Яковлев, описывая охоту у тувинцев, отмечал, что охота является наиболее важным промыслом и занятием целых «хошунов сойот» [Яковлев 1900: 64]. Также он привел интересные сведения о сакральных знаниях и табуированной лексике тувинских охотников.

О том, что главным занятием тоджинских мужчин является охота, писал Г. Е. Грумм-Гржимайло, отмечая, что обучаются они охотничьему промыслу с юных лет [Грумм-Гржимайло 1926: 49].

Ценные сведения об охоте тувинцев дал Ф. Я. Кон. Так, он подробно описал способы и сезоны охоты на пушных, копытных и хищных зверей, снаряжение охотника. Также он обратил внимание на мировоззрение охотников, их представления о духах — хозяевах гор и местностей [Кон 1936: 143].

Важным этапом в изучении комплексного хозяйства тувинцев, в том числе и охотничьего промысла, стал советский период. Такие ученые, как В. И. Дулов, Л. П. Потапов, С. И. Вайнштейн, Е. Д. Прокофьева, внесли огромный вклад в изучение истории и культуры не только тувинцев, но и других народов Саяно-Алтая. Более системно и комплексно, с использованием исторических и фольклорных материалов, изучили охотничий промысел тувинцев С. И. Вайнштейн и Е. Д. Прокофьева.

Так, Е. Д. Прокофьева подробно описала технологии изготовления орудий труда (и их использование), применяемых мужчинами в скотоводстве, земледелии, оленеводстве, охоте и рыбалке. Она отметила, что все без исключения скотоводческие родоплеменные группы тувинцев занимались также охотой, хотя для более зажиточных скотоводов как владельцев большого поголовья скота охота являлась неким развлечением, спортом [Прокофьева 2011: 164].

Отдельно стоит отметить работы С. И. Вайнштейна, наиболее полно исследовавшего присваивающие формы хозяйства тувинцев и тувинцев-тоджинцев XIX – начала XX в. В своих работах ученый дает комплексную характеристику основным способам добычи зверей и охотничьим орудиям, им проанализирована артельная организация охотничьего промысла, обоснована ведущая роль охоты в хозяйстве тоджинцев. Он отмечал, что у тоджинцев охотой занимались лишь мужчины. Религиозный запрет исключал для женщин не только возможность участвовать в охотничьем промысле, но даже право прикасаться к оружию [Вайнштейн 1961: 4].

Некоторые охотничьи традиции, орудия, способы охоты, названия животных описал в своей работе «Традиционная культура тувинцев» историк и этнограф М. Б. Кенин-Лопсан [Кенин-Лопсан 2006: 11].

В сравнительном аспекте некоторые традиционные охотничьи верования тувинцев и хакасов рассматривали В. Я. Бутанаев

и Ч. В. Монгуш в работе «Архаические обычаи и обряды саянских тюрков» [Бутанаев, Монгуш 2005].

Следует отдельно отметить работу тувинского исследователя В. К. Даржа «Традиционные мужские занятия тувинцев», где он детально дает описание занятий, которые традиционно относились к мужской сфере деятельности, в том числе и охоты [Даржа 2009].

В 2010 г. вышел сборник статей на тувинском языке «Тываларның аңныр ажыл-дугайында чамдык медээлер» ('Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев'), выпущенный сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований [Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010]. В сборник вошли статьи о традиционных способах и орудиях охоты тувинцев, а также названия диких животных на цэнгальском диалекте тувинского языка.

Таким образом, данные работы свидетельствуют, что учеными и исследователями уделялось внимание теме охоты. Однако многие вопросы, связанные с традиционными охотничьими обрядами, правильным охотничьим поведением тувинцев, раскрыты не полностью. Используя имеющуюся литературу и полевые материалы, мы попытаемся более подробно изучить и рассмотреть охотничьи традиции тувинцев, которые являлись основой сохранения экологического и биоразнообразия в Туве.

Охотничьи обряды тувинцев

Охота как важная часть традиционной жизни тувинских мужчин требовала соблюдения ритуальных и моральных предписаний, существовали природоохранные нормативы в отношении тайги, воды, животных. Находясь на охоте или в пути, охотник должен был соблюдать определенные неписанные правила и запреты. Так, Ф. Я. Кон отмечал, что его проводники-тувинцы неукоснительно выполняли обряды и ритуалы, связанные с почитанием природы, с уважением и страхом относились к окружающей природе [Кон 1936: 13].

Передача мальчикам охотничьих знаний и традиций начиналась с детского возраста. Поначалу учили ставить силки и петли, стрелять из небольших луков в мелких зверей, постепенно мальчики на-

чинали добывать находящихся неподалеку от *аала* тарбаганов, охотиться на лисиц и зайцев. Примерно в возрасте мальчика от 10 лет старшие мужчины в семье, обычно отец, дядя или дедушка, начинали брать его на охоту даже в дальние места. К 13 годам подростку разрешалось наравне со взрослыми охотиться, быть полноценным членом охотничьей артели [Вайнштейн 1972: 210]. Кроме практических знаний, мальчику постепенно передавались и сакральные.

Тувинцы, как и другие близкие к ним народы Саяно-Алтая, верили, что у каждой местности, горы, реки, тайги есть свой дух-хозяин. Интересные сведения на этот счет приводил Е. К. Яковлев. Так, он отмечал, что у тувинцев все земное пространство имеет особое покровительство духа земли и неба — *оран тэлэгэй*; звери в лесах, рыба в водах, домашний скот людей — все это богатство *оран тэлэгэя* [Яковлев 1900: 66].

Именно поэтому считалось, что для охотников существует определенная норма на добычу зверя, и если превысить норму — это значит испытывать долготерпение духа. Например, убив оленя, козу, медведя, охотник старался быстрее ободрать шкуру, спрятать мясо, а место убийства прикрыть ветвями и камнями в расчете на то, что таким образом удастся обмануть духа и сбить его с верного счета. Руководящая роль принадлежит случаю, а следовательно, благоволению божества [Яковлев 1900: 66–67]. Такие знания закладывали у мальчиков основу бережного отношения к зверям и птицам.

Традиционная охота тувинцев состояла из нескольких важных этапов, на каждом из которых охотники совершали определенные действия не только практического, но и сакрального характера.

Условно их можно поделить на такие этапы:

- 1) подготовка к охоте (обряды *чарын салыр, хуваанак, чалбарыг*);
- 2) прибытие на место охоты (*чажыг, саң салыр, чалбарыг*);
- 3) обряды, совершаемые после добычи животного;
- 4) распределение добычи (обряд *ужа*).

По словам информантов, перед охотой мужчины всегда проводили специальные обряды, гадали, будет ли удачна охота. Самым распространённым способом га-

дания у охотников был обряд *чарын салыр* ('гадание по лопатке')¹. По мнению В. К. Даржа, гаданием занимались только мужчины, женщин к этому «виду деятельности» даже не подпускали. Гадателей на бараньей лопатке называли *чарынчы*. Такое гадание было непременным атрибутом тувинских охотников [Даржа 2007: 245].

Г. Н. Потанин отмечал, что гадание по лопатке было распространено повсеместно в Монголии: его можно встретить у халхасцев, торгутов, урянхайцев, киргизов и др. [Потанин 1883: 88].

По мнению исследователей, данный способ гадания уходит вглубь веков и широко распространен у кочевых народов [Очирова 2008: 212; Бадмаев 2015: 256].

По словам информанта К. Б. Ооржак, гадание на лопатке бывает двух видов: на обожженной лопатке и необожженной (*акка көөр*). Большинство охотников гадали на обожженной лопатке. Считалось, что на необожженной лопатке гадали люди, обладающие особым даром. Лучше всего при гадании использовать баранью лопатку из своего стада, особенно черноголовой белой овцы — так будет гадание достовернее [ПМА: Ооржак 2019].

Об особом отношении к бараньей лопатке у народов Центральной Азии Г. Н. Потанин отмечал следующее: лопатка пользуется среди костей особым уважением; у киргизов считается грехом бросить объединенную лопатку собакам, предварительно не изломав её. У монголов и алтайцев лопатка служила мерилем силы, когда пробуют расшибить *алакан* одним щелчком указательного пальца. В Монголии около *обо* нередко между камнями встречаются лопатки, исписанные молитвой — *мани*. На важных *обо* встречаются длинные связки исписанных лопаток [Потанин 1883: 91].

У тувинцев мясо лопатки снимают с костей только руками, запрещается срезать мясо ножом или обгрызать зубами. Если рядом находились люди, необходимо было поделиться мясом лопатки. Лопатка должна

быть не поцарапанной, чтобы можно было использовать ее в гадании.

Еще одним способом узнать, будет ли охота удачной, было гадание на камнях *хуваанак*. Как отмечал В. К. Даржа, если гаданием на бараньей лопатке занимались практически все охотники, то раскладывать *хуваанак* мог не каждый [Даржа 2007: 249].

Схожее гадание есть у казахов и киргизов под названием *кумалак*. Возможно, обычай гадания на камнях уходит корнями в древнетюркское время. Так, в древнетюркской книге предсказаний «Ырк битиг» упоминается похожее гадание путем бросания кости. По мнению В. М. Яковлева, казахское гадание *кумалак*, описанное в книге на французском языке «Kumalak. Le Miroir de la Destinée» («Кумалак. Зеркало судьбы»), удивительным образом схоже с гаданием, описанным в книге «...из Пещеры Тысячи будд близ Дуньхуана». Перебирание *кумалаков* в казахском гадании производится совершенно так же, как перебирание и откладывание стеблей тысячелистника при построении гадательных символов (*гуа*) «Книги Перемен» [Яковлев 2017: 158].

Как отмечает информант К. Б. Ооржак, в гадании *хуваанак* используется 41 камешек, собранный по одному из разных рек или из зоба глухаря. Процесс собирания камешков тоже имеет свои особенности. Так, просто взять камешек было нельзя, необходимо было провести специальный обряд умиловствования и упрашивания путем подношения даров (обычно еды) духу-хозяину реки *суг ээзи*: *Ажы-чемиң бар болза ыяап чашкаштың, «хереглээш ап тур мен» дээш диленир* 'Если есть с собой еда, обязательно следует накормить духов, «не просто так беру я, а по нужде» — с такими мыслями просить их' [ПМА: Ооржак 2019].

Тувинцы знали, что никогда нельзя брать чужую вещь, так как у каждой вещи, даже у маленького камешка, есть свой «хозяин». Забирая что-то с «чужой» территории, пространства, сначала необходимо было попросить разрешения. Хранили гадальные камни в специальных кожаных мешочках.

Само гадание начиналось с того, что *хуваанакчы* шептал и спрашивал у гадальных камешков, например, будет ли охота удачной, какие препятствия могут быть на пути, и бросал их, те падали в определенном порядке, а *хуваанакчы* интерпретировал их

¹ Что касается происхождения данного обряда, существует легенда, согласно которой Буддой Манджушри было написано письмо (книга судеб), которое было съедено белым бараном с черной головой, вследствие чего у того на лопатках проявились волшебные знаки [Бадмаев 2015: 260].

комбинации и объяснял, чего ждать охотникам. Подобные гадания и предсказания в основном имели рекомендательный характер. Большинство охотников, конечно, принимали во внимание данные знаки, но действовали по своему усмотрению. Как сказал информант М. М. Ооржак, если гадание вызывало определенные опасения и тревожные знаки, то охотники могли передвинуть охоту на другой день или даже отменить ее [ПМА: Ооржак 2020].

Следует отметить, что подготовка к охоте у тувинцев была насыщена сакральными действиями, как и у других народов Саяно-Алтая. Так, например, о шорцах Л. П. Потапов писал следующее: «Религиозное наполнение звероловного промысла было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным» [Потапов 1936: 27]. Перед охотой нельзя было насмехаться, врать, хвастаться, иметь половые сношения. Особо почтительное отношение было к одежде и орудиям охотника. Как бы необходимо это ни было, выйдя из дома, охотники не возвращались назад. Старались идти на промысел тихо, сохраняя серьезность и благопристойность [Потапов 1936: 27–28].

С началом охотничьего сезона некоторые охотники нередко видели во сне вещие сны, знаки, явственно символизирующие зов тайги. Наши информанты не раз говорили, что тайга, дух-хозяин тайги начинает приглашать на охоту: *Кажан аңнаар сезон чедип кээрге дүжөй бээр сен, чалай бээр бооп турар аан* 'Когда наступает сезон охоты, начинаешь видеть сны, в которых как будто [тайга] приглашает' [ПМА: Сат 2019]; *Ийе, «олча-омааң тайга-таңдыңдан дилен» деп албадап кээр чүве-дир ийин* 'Да, «проси у тайги удачу, хорошую добычу», понуждает охотиться' [ПМА: Ооржак 2019].

Схожие обычаи отмечаются и у соседних народов. Так, например, у шорцев и кумандинцев видеть во сне земледельческие и скотоводческие продукты означало возможную неудачу в охоте. Напротив, сюжеты о ловле птиц или сборе кедровых орехов сулили, как считалось, несомненный успех [Сагалаев, Октябрьская 1990: 158].

Таким образом, если охотник соблюдал традиционный охотничий этикет, то у него устанавливалась тесная связь с тайгой. В фольклоре тувинцев много сказок, легенд,

связанных с хозяином тайги. Если дух тайги был доволен отношением, которое к нему выказывает охотник, то он мог подарить ему какие-нибудь вещи, символизирующие удачу и богатство. Напротив, если охотник вел себя неправильно, вызывая, тогда дух тайги мог сделать его сумасшедшим или привести к смерти. У наших информантов в арсенале всегда есть истории о людях, которые встречались с хозяином тайги.

Выбрав подходящий день для охоты, помолившись: *Олча-омактыг болуйн, Ёршээ, хайыракан! Ёршээ, оран-тандым!* 'Да будет со мной удача, смилуйся всевышний!', — охотник выезжал в путь [Казырыкпай, Казырыкпай 2007: 68].

В пути охотники совершали подношения и кропления священным горам, перевалам, мысленно обращались к ним с мольбами о помощи. Если встречали на пути *оваа*, обязательно останавливались.

Прибыв на место, охотники разбивали лагерь *одаг*, где жили несколько дней и даже месяцев. По словам информантов, первым делом варили чай, после этого совершали кропления *чажыг* духам — хозяевам местности *чер ээлеринге*. В зависимости от времени прибытия на место охоты, утром или если было светло, совершали обряд *саң салыр* — подношение хозяину местности, «кормление» запахом еды и можжевельника. Во время этих обрядов охотники обязательно обращались к духу-хозяину местности с просьбой об удаче на охоте. Интересно, что охотники, прося духов о благополучной охоте, не упоминали прямую названия животных.

Живя в тайге, тувинские охотники соблюдали многочисленные правила и запреты, ведь они временно находились на «чужой» территории, где был свой могущественный хозяин, который при неуважительном отношении мог и покарать. Одним из правил является использование табуированной лексики. Интересные материалы по охотничьей лексике были собраны Н. Д. Сувандии. Так, она отмечает, что тувинские охотники обязательно использовали табуированную лексику в отношении зверей, так как по их поверьям животные понимали человеческую речь и могли узнать о намерениях людей [Сувандии 2016: 139].

Схожие запреты отмечаются и у других народов Саяно-Алтая. Так, у хакасов счи-

тается, что «горные хозяева *таг ээзи* хорошо понимают человеческую речь. Поэтому возник обычай *хазынас*, запрещающий называть вещи своими именами для того, чтобы духи гор не понимали смысл разговора охотников. Особенно строго соблюдали этот обычай при охоте на медведя, соболя, марала, лося, кабаргу» [Кыржинаков 2016: 62].

Как показали исследования Н. Д. Сувандии, только в отношении медведя тувинцы использовали 13 различных названий, более семи — для волка, пять — для лисы. Наиболее почтительные эвфемизмы использовались для обозначения медведя как самого сильного зверя в тайге. Например, медведя называли «дедушкой», «горой», «хозяином тайги», «всеслышащим», «самым большим зверем» [Сувандии 2016: 139].

Запреты и предписания, касающиеся непосредственного промысла зверей, строго соблюдались. Так, категорически нельзя было убивать самок и детенышей, марала с большим количеством ответвлений рогов, старых животных, неспособных убежать, зверей нестандартной масти и др. Согласно представлениям тувинцев, тех, кто нарушает данные правила, в дальнейшем ждала неудача, смертельная опасность, несчастья с близкими родственниками, потеря благополучия. В отношении запретов интересный случай рассказал информант К. Б. Ооржак: *...бир аңнап чорааштың Хады-Булун тайгазынга чүдек улуг сыын көргөш, боолап-ла, боолап-ла турган мен, бир магазинни төндүр адыптарымга, дегбес боор чоржук. Өршээ Хайыракан, харын-даа дегбээн. Шуут анаа эрттип кылаштап турар чүведир ийин. Чүдек улуг, алчагар, 24 адырлыг мыйыстыг. Дыңнаан кижин мен, улустан, ында ындыг сыын бар, боолаарга дегбес деп. Ол чүве шын чорду, таварышкан мен. Бир Элегестке куда ашак 24 адырлыг сыын мыйызын кирип алган турда көргөн мен, эжиктен сынмаан, соңгадан кирип алган болган. Ооң соонда чок апарды ийин, ол ашак. Чер ээзи болганы ол ыйнаан, муңгаранчыг улуг, болза-даа 'Как-то раз, находясь на охоте в тайге Хады-Булун, увидел я огромного марала. Пустив целый магазин патронов, заметил, что ни один из них не достиг цели. Өршээ Хайыракан, хорошо,*

что не попал. Огромный, 24 ответвления рогов. Слышал я от других, что есть такой марал, в которого стреляют, но патроны его не задевают. Оказалось правдой. В Элегесте, дома у свата, видел маральи рога с 24 ответвлениями, занесенные через окно, так как в дверь они не вошли. После этого, не долго прожив, старик умер. «Чер ээзи» хозяином местности, наверное, был [тот марал]» [ПМА: Ооржак 2019].

У тувинских охотников были обязательные обряды, совершаемые после добычи некоторых зверей. Особенное отношение у тувинцев было к медведю. Как говорит К. Б. Ооржак, специально на медведя он не охотится, добывал только при случайной встрече: *Ол чүве-биле шоолуг үрелдешпес кижин мен, арай сестир* 'С этим [медведем] стараюсь не связываться, слегка побаиваюсь' [ПМА: Ооржак 2019].

Об особом отношении тувинцев к медведю писал еще Ф. Я. Кон: «Охота на медведя почитается грехом, поступком против совести, несмотря на то, что она производится повсеместно» [Кон 1936: 61]. Далее он подробно описывает обряд после добычи медведя: «Убивший медведя кланяется ему в ноги, говоря: „Мин бодым эмес сэны бооладым“ (я не сам убил тебя), „мены агнаткан — Има-огурда“ (меня заставил такой-то огурда). Наступать на голову медведя или перешагнуть через нее — нельзя. Хвастаться убийством медведя тоже нельзя. „Хайэраханнын чир-хулак“ (у медведя земля — уши), и он может об этом узнать. Ноздрям медведя придается такое важное значение, что в прежние времена голову медведя с ноздрями нельзя было купить. Охотник их вырезал и хранил у себя в юрте. Голову и нижнюю челюсть убитого медведя вешают на дерево или шест на проезжей дороге. Каждый проходящий или проезжающий мимо кланяется ей со словами: „Хайэрхан урше!“ (медведь, помилуй!), чем предотвращается опасность от других медведей» [Кон 1936: 61–62].

Особое отношение к медведю выражалось и в лексике охотников. Например, о добыче медведя в берлоге говорили уважительно: *ижээн алдаан* 'гостил в берлоге'; убив медведя, говорили: *адыг даялаан* 'стрела убила медведя', а не охотник [Даржа 2009: 438].

Тувинцы-тоджинцы после добычи медведя совершали обряд «*шогурер*». Об этом интересном обряде подробно написал С. И. Вайнштейн. Добыв и освежевав медведя, тоджинцы отрезали у него голо-

ву и концы лап. Затем разводили костер и поджаривали на палочках медвежье сало, и, когда оно шипело, все присутствующие негромко, нараспев произносили:

*Кадыр таңдым берген чувем!
Кадыр Хам-Сырам берген чувем!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Эктигникениц берген
чувем! ишэк, шөөк!
Кадыр-озум берген чуве!
Шуук шуук!*

‘Этого [медведя] дала крутая тайга!
Этого [медведя] дала крутая Хам-Сыра!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Этого [медведя] дало урочище
Эктигник Шоок, Шоок!
Этого [медведя] дала [река] Кадыр-ос!
Шуук, шуук!’

[Вайнштейн 1961: 172–173].

После того, как каждый съел по куску сала, в котле начинали варить медвежью голову. Сваренную голову вынимал из котла самый старый из охотников и, отрезав от нее кусок мяса, передавал ее следующему, произнося: «Попробуйте эту голову торая». Затем он брал медвежий череп вместе с челюстью и со словами «череп торая украсим» зачернял его углем из костра. Следующим шагом были «похороны» медведя. Для этого старейший продевал через глазницу черепа кусок аркана, ткани или ветку дерева и подвешивал его на кедр или молодую березу таким образом, чтобы носовая часть была обращена в сторону заходящего солнца. Затем к этому же кедру он подвешивал лапы медведя [Вайнштейн 1961: 172–173].

Тоджинское название медведя *торай* удивительным образом схоже с эвенкийским *Торгандри*, обозначающим имя мифологического «медвежьего предка». Кроме того, в эвенкийских сказаниях упоминается *торганей*, которым называли пеших охотников, связанных с медведем [Василевич 1971: 155]. Также у эвенков «...когда тушу подвозили, все оставшиеся выходили на встречу, махали руками с криками „Ку-ук! Ке-ек! Ка-ак!“» [Василевич 1971: 161].

Заключение

Охотничьи традиции являются важным и древним элементом культуры тувинцев. Вера в духов-хозяев местности, уважитель-

ное отношение к ним, по представлениям охотников, непосредственно влияющим на удачу в охоте, являлись частью их мировоззрения. Запреты и предписания, передаваемые из поколения в поколение, являлись важной частью экологической культуры тувинцев. Охотники понимали, что без обращения, поклонения и подношений духам-хозяевам местности удачной охоты им не видать. Именно поэтому необходимо было показать духам искреннее уважение. Полевые исследования показали, что опытные охотники, большей частью проживающие в сельской местности, соблюдают традиционные обряды и ритуалы. К сожалению, не всегда и не везде происходит передача молодому поколению традиционного охотничьего этикета и природоохранных традиций.

Необходимо сказать и о мотивах традиционной охоты. Если в традиционном обществе у охотников помыслы были направлены не для приобретения богатства, а для выживания, чтобы прокормить семью, то в настоящее время и по причине незнания традиций, и в силу финансовых причин современные охотники безжалостно уничтожают большое количество животных, становясь по сути браконьерами. Доведение до них знаний о неписаных законах традиционной охоты становится важной задачей сохранения как природного баланса, так и культуры народа.

Полевые материалы авторов

- Сат 2019 — *Сат Айдыс Викторович*, 1977 г. р., уроженец с. Кунгуртуг Тере-Хольского района. Запись 2019 г.
- Ооржак 2019 — *Ооржак Калдар-оол Бойдуевич*, 1945 г. р., уроженец м. Ак Барун-Хемчикского района. Запись 2019 г.
- Ооржак 2020 — *Ооржак Мурат Миш-оолович*, 1975 г. р., уроженец с. Бора-Тайга Сут-Хольского района. Запись 2020 г.

Authors' Field Data

- Informant: Aydys V. Sat, b. 1977, native to Kungurtug village (Tere-Kholsky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2019. (In Tuv. and Russ.)
- Informant: Kaldar-ool B. Oorzhak, b. 1945, native to Ak sumon (Barun-Khemchiksky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2019. (In Tuv. and Russ.)
- Informant: Murat M. Oorzhak, b. 1975, native to Bora-Tayga village (Sut-Kholsky District, Tyva Republic, Russia). Rec. in 2020. (In Tuv. and Russ.)

Литература

- Бадмаев 2015 — *Бадмаев А. А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 255–263.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.
- Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1972. 314 с.
- Вайнштейн 1961 — *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Ист.-этногр. очерки. М.: Вост. лит., 1961. 218 с.
- Василевич 1971 — *Василевич Г. М.* О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века / отв. ред.: Л. П. Потапов, С. В. Иванов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1971 (Сб. МАЭ. Т. XXVII). С. 150–169.
- Грумм-Гржимайло 1926 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край [электронный ресурс] // Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран / составлен Г. Е. Грумм-Гржимайло. 1926. 412 с.
- Даржа 2007 — *Даржа В. К.* Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 256 с.
- Даржа 2009 — *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2009. 592 с.
- Казырыкпай, Казырыкпай 2007 — *Казырыкпай Б. О., Казырыкпай Б. Б.* Эр чол (= Мужской путь). Кызыл: ТывНУЧ, 2007. 174 ар.

- Катанов 2011 — *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Журналист, 2011. 384 с.
- Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев / пер. с тувин. А. А. Дугержаа, А. С. Дембирель. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 230 с.
- Кон 1936 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. 2-е изд. Т. 3–4 / отв. ред. М. Чечановский. М.: Сов. писатель, 1936. 356 с. [электронный ресурс] // URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953?page=1> (дата обращения: 20.07.2020).
- Кыржинаков 2016 — *Кыржинаков А. А.* Традиционный промысловый культ у хакасов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 61–65.
- Очирова 2008 — *Очирова Б. В.* Основные способы гадания у монголов и калмыков по бараньей лопатке и их параллели у других народов // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 212–219.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. 1052 с.
- Потапов 1936 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 260 с. (Труды Ин-та востоковедения. Т. 15.)
- Прокофьева 2011 — *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев (= The process of national consolidation of the tuvans). СПб.: Наука, 2011. 535 с.
- Радлов 2007 — *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника (извлечения) // Урянхай.

- Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. – первая половина XX в.): в 7 т. Т. 2 / редкол.: К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 221–281.
- Сагалаев, Октябрьская 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: знак и ритуал / отв. ред. И. М. Гемуев. Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1990. 208 с.
- Салчак, Монгуш, Баярсайхан 2010 — *Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б.* Тываларның аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер (= Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев). Кызыл: Аныяк, 2010. 80 с.
- Сувандии 2016 — *Сувандии Н. Д.* Табу и эфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2016. № 5–2 (59). С. 138–141.
- Чихачев 1974 — *Чихачев П. А.* Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. 360 с.
- Яковлев 2017 — *Яковлев В. М.* Кумалакашу — устная традиция гадания и её вероятные истоки // *Российская тюркология.* 2017. № 1–2 (16–17). С. 158–167.
- Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- Kon F. Ya. Over the Fifty Years. 2nd ed. Vols. 3–4. M. Chechanovsky (ed.). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1936. 356 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005139953#?page=1> (accessed: July 20, 2020). (In Russ.)
- Kyrzhinakov A. A. Traditional trade cult of Khakas people. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova.* 2016. No. 16. Pp. 61–65. (In Russ.)
- Ochirova B. V. Sheep shoulder bone divination: key practices of the Mongolians and Kalmyks, with parallels from other ethnic groups. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya.* 2008. No. 1. Pp. 212–219. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. IV: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883. 1052 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Essays on the History of Shoria. Ser.: Transactions of the Institute of Oriental Studies. Vol. 15. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 260 p. (In Russ.)
- Prokofieva E. D. The Process of National Consolidation of the Tuvans. St. Petersburg: Nauka, 2011. 535 p. (In Russ.)
- Radlov V. V. From Siberia. Pages of the Diary (extracts). In: Arakchaa K. D., Shoygu K. S. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Alтай. The Uriankhai, 4th to 20th Centuries AD. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 221–281. (In Russ.)
- Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. Turks of Southern Siberia: Traditional Worldviews. I. Gemuev (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1990. 208 p. (In Russ.)
- Badmaev A. A. Lamb shoulder in the ritual practice of the Buryats. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* 2015. Vol. 14. No. 7. Pp. 255–263. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Sayan Turks: Archaic Customs and Rites. Abakan: Katanov Khakass State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Chikhachev P. A. Journey to the Eastern Altay. Moscow: Nauka, GRVL, 1974. 360 p. (In Russ.)
- Darzha V. K. The Tuvans: Traditional Male Activities. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2009. 592 p. (In Russ.)
- Darzha V. K. Tuvan Nomads: Mysteries of Ethnic Worldviews. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. Western Mongolia and the Uriankhai Country. Vol. 3. Is. 1: Essay on Anthropology and Ethnography of the Countries. 1926. 412 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. Essays on the Uriankhai Land. Notes Taken during a 1889 Journey Commissioned by the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society. K. Bicheldey (ed.). Kyzyl: Zhurnalist, 2011. 384 p. (In Russ.)
- Kazyrykpay B. O., Kazyrykpay B. B. The Man's Path. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2007. 174 p. (In Tuv.)
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. A. Dugerzhay, A. S. Dembirel (transl.). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2006. 230 p. (In Russ.)

- Salchak V. S., Mongush B. B., Bayarsaykhan B. Some Data on Hunting Economy of the Tuvans. Z. Samdan (ed.) et al. Kyzyl: Anyyak, 2010. 80 p. (In Tuv.)
- Suvandii N. D. Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016. No. 5–2 (59). Pp. 138–141. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Historical Ethnography of Tuva: Problems of Nomadic Economy. USSR Academy of Sciences, Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. Moscow: Nauka, 1972. 314 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Tozhu Tuvans: Historical and Ethnographic Essays. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. 218 p. (In Russ.)
- Vasilevich G. M. The Bear cult among the Evenks. In: Potapov L. P., Ivanov S. V. (eds.) *Peoples of Siberia, Late 19th – Early 20th Century: Religious Beliefs and Rituals*. Ser.: Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. XXVII. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 150–169. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. Ethnographic Review of Non-Russian Populations Inhabiting the Southern Yenisei Valley, Suppl. with an Explanatory Catalogue of the Museum's Ethnographic Department. Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)
- Yakovlev V. M. Kūmalaqashu — the oral divination tradition and its supposed origins. *Russian Turkology*. 2017. No. 1–2 (16–17). Pp. 158–167. (In Russ.)

